

Олег Алешин

ПОЭТ ТРАГИЧЕСКОЙ НОТЫ

(Сборник стихотворений Игоря Панина «Я не хочу это видеть»)

В стихотворном творчестве поэт виден, как на ладони. Если в прозе еще можно как-то «скрыться» за вереницей героев и поворотами сюжетов, то в поэзии это сделать почти невозможно, если, конечно, не войти в сферу эпического стихотворного творчества, где личность автора сознательно уходит на второй план. Поэтому зачастую нет смысла изучать биографию поэта, достаточно погрузиться в его стихи, чтобы ощутить дух, понять, насколько он созвучен мыслям, чувствам, в конце концов, душе читателя. Хочется сделать акцент именно на слово «созвучие». Не случайно Георгий Адамович предлагал определять качество той или иной книги по послевкусию, то есть по отзвуку. Если после прочтения она продолжает какое-то время резонировать в душе, значит, вы столкнулись с подлинным явлением литературы.

Так вот, когда перевернул последнюю страницу стихотворного сборника Игоря Панина¹, подумал, что он поэт трагической ноты или мироощущения. Но под трагизмом следует понимать не литературную форму, это понятие — этическое. Трагизм может быть в лирической, драматической и эпической поэзии. Но в чем же сущность трагического мироощущения поэта Игоря Панина? Приведем полностью его стихотворение из упомянутого сборника избранных произведений последних лет.

ПАТЕТИЧЕСКОЕ

Вместо воздуха — липкий удушливый смог,
этак протянешь и ноги.

Толковал я об этом, когда только мог,
правда, втемяшил не многим.

Мы по дикому полю набегались власть,
но — не готовы сначала...

И звучало же слово, но где его власть?

Или оно не звучало?

¹ Игорь Панин — поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Воронежской области. Автор нескольких книг стихотворений, публиковался в журналах «Континент», «Дети Ра», «Крещатик», «Дружба народов», «День и Ночь», «Нева», «Зинзивер», «Сибирские огни». Долгое время работал в «Литературной газете», был обозревателем, возглавлял отдел литературы. В настоящее время редактор сайта «ЛГ». Живет в Москве.

И уходит в песок дорогое вино,
горы гниют урожая.
Вероятно, мы сами тому и виной;
стынем, закат провожая.
Не услышишь ни песни, ни звона крыла
Сирина и Алконоста.
И какая же мерзость вокруг расцвела,
невероятная просто!
До поры одряхлел достославный язык —
трудно могучим казаться,
если рвет его свора голодных борзых,
точно усталого зайца.
На любой пьедестал претендует вандал,
чтоб не остаться в обиде.
Я пока еще здесь, но порядком устал.
Я не хочу это видеть.

Кстати, по последней строке и названа книга стихов Игоря Панина («Я не хочу это видеть» (2020)), что, в сущности, указывает на правоту моих ощущений. Да, его литературный герой не хочет видеть неприглядные стороны человеческого существования, но при этом он не отворачивает лица и мужественно смотрит в глаза ошалевшей жизни и...

Обороной не славимся мы,
и атака — не наша стихия.
Но, объехав поля и холмы,
все углы перешарим глухие:
глаз наметан, набита рука,
и привычка к жестокой болтанке;
фронта линия недалеко,
собираем привычно останки.

Сортируем добычу свою,
опасаясь то мин, то растяжек.
Погибаем порой не в бою,
и паек наш не менее тяжек.
Но наград не видать что ушей,
на героев совсем не похожи;
узнают нас по взглядам уже
и по запаху стойкому тоже.

Мы не воины — так говорят,
повстречать нас — плохая примета.
Разложили мешки свои в ряд —
получили спасибо за это.
И по новой к позициям мчим,
не кончается наша работа;
кем-то задан нелегкий почин,
и теперь убирать должен кто-то.

Наше дело — молчать и не сметь
напрягать тех, кто скован и робок.
Вы предвидеть не сможете смерть,
нам же с нею тереться бок о бок,
проверяя участки, где днем
вьются мухи томительным роєм...
Но однажды вот так подойдем
и спокойно глаза вам закроем.

Марш похоронной команды, 2023

Страх, неустроенность, бесприютность, боль, стоны, гримасы смерти, взрывы мин, крики о помощи, цензурная брань — все это сливается в поэзии Панина в какой-то непрерывный звук абсурда и ужаса бытия. Казалось бы, при чем здесь музыка. Этот фон сродни первородному хаосу, бездне, которой безразлично, кого поглотить, с кем бороться.

...Вы не заглядывали в бездну,
а я смотрю туда за вас.

Сущность трагического поэта Игоря Панина заключается именно в способности к переживанию несовершенства этого мира. И не обязательно поэт трагической ноты должен быть сильным человеком, неким героем, «рыцарем без страха и упрека» — трагичным может быть и слабый человек. Это неважно. Главное — глубина его погружения, сопереживания. И чем трагичней поэт, тем острее он воспринимает темные стороны жизни, не терпит предательства, приспособленчества, лжи — как фальшивых нот. «Ибо настоящая музыка не состоит из звуков, но — из элементов духа».

Не случайно в античности поэзия рассматривалась как вид музыкального творчества, а не как литература. Музыка, по смысловой парадигме русского философа Алексея Федоровича Лосева, изображает не предмет или явления, а их качество, сущность. Словом, музыка — это чистое выражение смыслов. Поэтому и «правильно» написанные стихи нередко воспринимаются как пустая буффонада, если в них не просматривается подлинная идея мира, а лишь самолюбование или самоутверждение за счет выгодной темы.

А.Ф. Лосев утверждал, что трагическое мироощущение поэта фиксирует, прежде всего, два главных плана бытия. Первый — это общая мировая, видимая и слышимая жизнь. Второй план — это человеческая личность, которая связана корнями с мировой жизнью. В их извечном противоборстве и рождается «трагедия из духа музыки», так возникает третий план — «преображенной и воскресшей жизни». Что это значит? Кто-то ответ на этот вопрос может найти в этике ницшеанства, кто-то — у русского философа Константина Леонтьева: «Терпите! *Всем лучше никогда не будет.* Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли — вот единственная возможная на земле *гармония!* И больше ничего не ждите»...

А что же поэт Игорь Панин? Он садится в пятнистую «буханку» и едет на Донбасс, чтобы передать машину бойцам вместе с гуманитарной помощью... Так поэт разрешил для себя извечное противоречие между первым и вторым планом бытия.

Шумно переулками, дворами,
так напоминая салажат,
шли вчера, смеялись и орали,
а теперь и новые спешат.

Только подойдя к военкомату,
разложив баулы у дверей,
закурив и выболтавшись матом,
все они серьезней и мудрей.

Доблести напрасной не бывает,
каждый для чего-нибудь рожден.
Нам расскажет пресса фронтовая,
как там они лезли на рожон.

И пойдем из сводок образцовых,
что не всем ребятам повезло;
жалко, что не знали мы в лицо их,
не узнать и общее число.

Но воздать еще придется дань им:
и кому-то — крест, кому — звезда;
лишь не нужно мутных оправданий,
ибо правы раз и навсегда.

Вот они — наивны и чудесны,
многого еще не взявши в толк,
под ногами не увидев бездны,
выполняют непривычный долг.

Тяги нет к чужому караваю,
просто слишком дорог свой уют.
На войне вообще-то убивают,
но не всех, конечно же, убьют.

Бодро переулками, дворами,
шли и шли, и вот опять они
гомонят беспечно утром ранним...
Господи, спаси их и храни.

Мобилизация, 2022

